

ДАНИЭЛЬ БРЭЙН

ЛЮБОВНИЦА

Даниэль Брэйн

Любовница

«Автор»

2026

Брэйи Д.

Любовница / Д. Брэйи — «Автор», 2026

— Мне неинтересна твоя жена. Мне интересно, почему я вот так узнаю о ее существовании. Я готова услышать от Алекса оправдания. Я их представляла — жена для меня ничего не значит, люблю я только тебя, но— Ты «вот так» узнаешь о ее существовании, потому что это тебя не касается. Возможно, даже скорее наверняка, не был бы я женат, я сделал тебе предложение. Вранье. Похоже, что эту любовь я себе взяла и нарисовала.— Но я даже развестись не могу, даже если бы и хотел. Я тебя ненавижу. Это я разбила чужую семью. Я, которая собирала себя из осколков. Я, которая прошла через ад. Любовница — так говорят обо мне, и я эту участь себе не выбирала.

© Брэйи Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Любовница

Глава первая

Кольцо было в точности то, которое я хотела.

Из белого золота, с россыпью мелких бриллиантов, мне оставалось только выдохнуть, закрыть руками лицо и ни о чем больше не думать.

В следующую секунду я испугалась, что мне все привиделось, что исчезнет алая бархатная коробочка в руках Алекса и вместе с коробочкой — кольцо, и отняла руки.

— Нравится?

Вот и все. Вот и все, а я так боялась. Все это время, почти год, я едва ли не каждое утро просыпалась в слезах, потому что мне снилось, как все заканчивается.

Что говорить, однажды я проснулась в истерике среди ночи, я видела страшное — Алекса и какую-то женщину, они лежали рядом и смотрели по телевизору фильм, а я стояла возле кровати и кричала, и плакала, и звала, но я была для Алекса и той женщины будто призрак.

Но теперь все.

И что ответить, я не представляла. «Спасибо» будет уместно?

Я взяла кольцо из коробочки. Наверное, это должно было выглядеть как-то не так, Алекс должен был встать передо мной на колени, торжественно попросить стать его женой и надеть мне кольцо на палец, но психотерапевт повторяла — нужно учиться смотреть на вещи реально. Я ношу розовые очки. Разумеется, она говорила не так, не в лоб, не прямо, она день за днем меня подводила к этой мысли, но смысл был верный.

Розовые очки. Не хочется их снимать, без них мне не захочется улыбаться. А то, что от людей не нужно ждать шаблонов из фильмов, я поняла уже, слава богу.

В конце концов, мне тридцать два и я давно уже взрослая девочка.

Да, но.

Я надела кольцо и не могла оторвать от него взгляда.

— Нравится? — Алекс закрыл коробочку, поставил ее на стол, поднял бокал с минералкой. — Я запомнил, как ты рассматривала это кольцо в магазине.

— А повод?

Мне нужно, чтобы ты это сказал, взмолилась я, заглядывая в светлые льдистые глаза. Я заклинала. Я мысленно транслировала — скажи, скажи. Какая чушь, никто не умеет читать мысли.

Это я тоже запомнила, разве нет?

— Никакого повода, — Алекс, не дождавшись от меня реакции, протянул бокал и чокнулся о мой. — Мне хотелось сделать тебе приятное.

Алекс уже пил свою минералку, а мне казалось, что у меня все еще звенит в ушах. Это рушится стеклянный замок, правда?

— Это обручальное кольцо, — хрипло сказала я, и воздух в легких закончился. За Алексом не водились шутки, он в принципе не умел шутить. Он был слишком серьезен, и это мне в нем нравилось больше всего, я не хотела больше шутиков в своей жизни.

— Да? — он озадаченно сдвинул брови, покосился на мою руку с кольцом, пожал плечами. — Слушай, я в этом не разбираюсь, заметил, что оно тебе понравилось, и вот купил. А что, оно будет выглядеть вызывающе? Ты каждый день не сможешь его носить?

Он же не может не понимать, что он сделал? Я покрутила кольцо, думая, снять или нет, и допуская, что вышло недоразумение.

Розовые очки.

— Так, значит, предложение ты мне не сделаешь?

Почему голос дрогнул, сорвался, и прозвучал безнадежный вопрос отчаявшейся женщины?

Все было так хорошо с первого дня. Мне казалось, что мы понимаем друг друга, что мы на одной волне. Нам нравились одни и те же книги, фильмы, спектакли. Нас обоих устраивали одни и те же места и одни и те же отели. И ночами все было прекрасно, как и должно быть.

Может, еще слишком рано и я тороплю события, мы даже не жили вместе, Алекс не предлагал съехаться, я тоже. Такая инициатива должна исходить от мужчины, иначе я опять все испорчу.

— Тебе хочется замуж, Алиса?

— Мне хочется замуж за тебя.

Все очевидно, но Алекс мрачнел все больше. Я заметила — он не ест, хотя он после работы. И на моей тарелке стыли роллы, мне тоже было не до еды.

— Зачем?

Сквозь туман на лице Алекса пробивалась улыбка. Слишком бравурная, неуместная, жестокая. Да, я знаю, конечно же знаю, что мужчины не сильно стремятся в загс.

Да, но.

— Зачем? — эхом повторила я. Он же не издевается, он действительно не понимает. Мы никогда не говорили на эти темы. — Алекс, я хочу детей, например.

Улыбка на мгновение пропала и стала другой — изумленной и теплой. Недоразумение?

— Ты никогда мне не говорила, — заметил он с явным упреком. Это я, кажется, недоразумение. — Но я не против детей, знаешь ли. Хочешь — давай.

Как-то все очень просто.

За соседним столиком раздались громкие аплодисменты, поднялся парень лет тридцати, все вставали, тянулись через стол и жали ему руки — кажется, он защитил то ли кандидатскую, то ли докторскую. Как все кристально ясно у людей.

— Дети должны расти в полной семье.

Я уже отложила вилку, отодвинула тарелку, выпрямилась, я завелась. Кольцо жгло руку, но я забыла о нем. Оно ведь только повод.

— И поэтому ты хочешь замуж. — Алекс все еще улыбался, успокаивал, ладони его были открыто повернуты вверх. Как-то он говорил, что изучал техники переговоров — я и тогда очень поверила, что это не лажа, сейчас убедилась — все фигня.

— Все женщины хотят замуж.

— Не все, Алиса. Представь, моя жена очень долго сопротивлялась браку, и это было с ее стороны не кокетство. Ешь, все остынет.

Его жена.

Я даже не стала переспрашивать. И послушно взяла вилку, пару раз ткнула ролл. В самом деле, подумавшись, мужчина, которого я люблю, оказался женат, и что, мне теперь умереть с голоду?

— Твоя жена. Ты мне не говорил, что ты женат.

— А ты не спрашивала, Алиса. Но я считал, что ответ сам собой подразумевается, нет? Тебе не двадцать, чтобы запрет звонить мне после девяти вечера и по выходным тебе ни о чем не сказал.

Ножи здесь острые такие или я слишком сильно давлу на несчастный ролл? Он точно ни в чем не виноват, его задача быть съеденным. Кстати, вкусно, хотя кусок не лезет в рот.

— Я считала, что мы установили личное время. Личное пространство.

— Так и есть. Ты — это ты, моя жена — это моя жена.

— Она красивая?

Какое мне дело? Алекс прав, мне не двадцать, чтобы я каждую женщину сравнивала с собой. Красивая-некрасивая... кому-то Стоун, кому-то Турман, кому-то Монро эталон красоты.

— Обычная, — улыбнулся Алекс. На этот раз улыбкой, которой сопровождал бы признание, что его сестра, например, такая же, как и все. — Алиса, давай проясним все сразу, раз уж зашел разговор, хорошо? Наш брак был договорной, Лене досталось наследство от дяди, им нужно было управлять, она ничего в этом не понимает и не собирается понимать, она лингвист. А ее отец не имеет права заниматься бизнесом... ему лучше даже не приближаться к этой сфере. Мне в браке комфортно, жене тоже...

— У нее тоже есть кто-то на стороне, да?

Я веду себя как ревнивая дура и не могу остановиться. Я даже не знаю эту женщину, обманутую, как и я, но я заочно хочу ее унижить и убедиться, какая она подлая, низкая и страшная. Не соперница, а сущая баба-яга.

— Полагаю, что нет.

Алекс опять отвечал серьезно. То, за что я его полюбила... нет, полюбила я его ни за что, я подпустила его к себе из-за обстоятельства. И потому, что он никогда не стал бы шутить.

Ненавижу шутки.

— Ленка живет работой и наукой. Сейчас она занимается чем-то связанным с искусственным интеллектом, а раньше...

— Мне неинтересна твоя жена, — перебила я. Надо же, а ролл почти уничтожен. — Мне интересно, почему я вот так узнаю о ее существовании.

И, чтобы не разреветься, чтобы не отвечать, я запихнула остатки ролла в рот. Теперь ни проглотить, ни выплюнуть, и я жевала, готовая услышать от Алекса оправдания. Я их представляла — жена для меня ничего не значит, люблю я только тебя, но...

— Ты «вот так» узнаешь о ее существовании, потому что это тебя не касается.

Как здорово я придумала зажевать свою боль.

— Возможно, даже скорее наверняка, не будь я женат, я сделал бы тебе предложение.

Вранье. Похоже, что эту любовь я себе взяла и нарисовала.

— Но я даже развестись не могу, даже если бы и хотел.

Я тебя ненавижу.

— И Ленка не может развестись.

Я себя ненавижу.

— Почему?

Ролл был прожеван и проглочен. Теперь меня жевало любопытство. Что за средневековое, черт возьми?

— Потому что нашему тестю нужно, чтобы капиталами его дочери управлял знающий опытный человек, вот почему. Он занимает высокий пост в администрации области. Если ему приспичит, он совершенно законным образом меня разорит. Три-четыре проверки с приостановкой производства, и все, я свободный и нищий, Алиса.

Оказывается, ты самый обычный трус. Я полюбила труса.

— Ты просто трус.

— Конечно трус. — Голос Алекса звучал издевательски, и первый раз за все время нашего знакомства я видела, что он в бешенстве. — Пищевое производство не останавливается ни на минуту. У меня восемьсот человек, Алиса, и все они пойдут на биржу труда со своими кредитами и ипотеками. А еще — куча ипэшников с новыми рефрижераторами, которые они взяли в лизинг под наш контракт. Ты знаешь, сколько стоит рефрижератор? И что он значит для семьи дальнбойщика? И куча фермеров, которые точно так же взяли технику под наши договоренности. Тысяча человек, Алиса, тысяча семей, даже больше. Жены, дети и престаре-

лые родители. Нормально, конечно, я как рыцарь должен ими пожертвовать ради любви. Ты идиотка?

Я идиотка, да, ты прав. Никто иной не будет сидеть и выслушивать все это.

— Спасибо за ужин. И за кольцо. — Как ни странно, сняла я его легко и так же легко положила рядом с тарелкой. Возможно, оно проклятое. — Подари жене, что ли... только не говори, что любовница тебя кинула с этим кольцом. Прощай.

Я быстро шла к выходу из ресторана. Там ночь — не ночь, но уже поздний вечер. Интересно, эта самая Лена в курсе, что муж встречался с любовницей? А может, они еще и обсуждают меня? Как в том анекдоте — «А наша-то самая красивая!». А может, это кольцо они и выбирали для меня вместе?

Любовница. Господи, как пощечина. Хлесткое слово, кто только придумал. Похожее на клеймо.

Это не слезы, это дождь. Вся улица шуршит и плачет и взрывается слепящими пятнами автомобильных фар.

Два таких пятна набросились на меня, и я ощутила, что падаю.

Глава вторая

— Идиотка!

Высочившему из кроссовера мужчине было лет сорок пять, и лицо его было искажено справедливым гневом. Я сидела в луже и чувствовала, как горит ушибленный копчик.

— Ты в порядке?

Дождь обрадованно ливанул, и оба мы вмиг стали как мыши мокрые. Мужчина протянул мне руку, я, подумав, приняла помощь и попыталась подняться. Каблуки скользили на листьях, копчик болел, но в целом я легко отделалась, это правда.

— Сильно ударились? — озабоченно спросил мужчина, хмуря брови. — Может, в травмпункт?

Какого черта у меня не одно, так другое! Не так было бы мне обидно, если бы я попала под этот злосчастный кроссовер, но я глупо и неуклюже шлепнулась на пешеходном переходе, поскользнувшись на мокрых листьях.

Надела на свидание каблуки. Кажется, один я сломала. Надела лучшую юбку. Господи, я же за эту брендовую дрянь еще должна вернуть деньги на кредитную карточку!

Все, что я смогла сделать, это потянуть мужчину за рукав, когда он стал звонить в скорую.

— Не надо никуда звонить...

— Самая умная? — но телефон он убрал. — Садись в машину, поехали. В крайнем случае, пусть врач подтвердит, что травмы у тебя не от удара бампером. Садись, пристегнись.

В салоне было тепло, пахло лавандой, уютный полумрак успокаивал. Рыдать мне уже не хотелось, копчик на мягком сиденье утих, но слезы жалости к себе никуда не делись. Мужчина сел на водительское место, успев показать неприличный жест какому-то недовольному его остановкой коллеге, щелкнул застежкой ремня безопасности.

— Ты кого-то потеряла? — бестактно спросил он. Я замотала головой. Потеряла, но не в том смысле, который вкладывался в вопрос, поэтому нет. — Ходишь нормально, значит, ушиблась не так критично. Тогда почему реवेशь? Шмотки жаль или испугалась?

Да и то и другое. А боль, ну, в первую секунду было действительно очень больно, но сердцу сейчас в разы больней.

— С парнем рассталась? — ухмыльнулся мужчина. — Тогда пореви. Какие твои годы, мужик не последний на этом свете. Нас как баранов, успевай подбирать.

Он сунул мне нераспечатанную упаковку салфеток — откуда только достал? — и снова сосредоточился на дороге.

Если бы не ноющий копчик и понимание, что осмотр врача не помешает, и то, что мы ехали по оживленной дороге, я открыла бы дверь и высочила.

— Вы всегда чужие чувства обесцениваете? — Я со злостью дернула целлофановую упаковку, вытащила салфетку и напроць уничтожила весь торжественный макияж.

— Ага, — хмыкнул он. — Практически постоянно. Я каждый день вижу столько реальной боли и людей, которым уже не помочь, что лучше не спрашивай. А ты завязывай читать дешевые паблики, они до добра не доведут.

Я поерзала на сиденье. У меня правда так сильно болит копчик, что я должна выносить присутствие неприятного мне человека?

— Вообще-то мне тридцать два, — невпопад сказала я, кидая пакетик с салфетками в подстаканник. Понятия не имею, вежливо ли. — И я не нуждаюсь в непрошенных советах.

— А я тебе совет и не даю. Мои советы дорого стоят. Пореветь разрешаю, страдать — нет. Слава богу, ничего ты не знаешь о реальных страданиях.

Да? Я даже закусила губу. Может, и хорошо, что я произвожу подобное впечатление. Значит, внешне я еще ничего, раз на лице не отпечатано все, через что я прошла. Как говорят — выстраданы все морщины?

Я покосилась на профиль своего не то мучителя, не то спасителя. Или канадский лесоруб, или бард какой-то. А профиль смотрелся бы на чеканной монете — эффектный мужик, хотя и гад, судя по манерам.

Это только в кино девочки любят циников. Но с удивлением я отметила, что как-то не хочется мне реветь и оплакивать нашу с Алексом драму.

— Вы никогда не изменяли жене?

Машина дернулась, но самообладания моему спутнику было не занимать. Он бросил на меня быстрый взгляд, в очередной раз ухмыльнулся. Ну, еще бы, я сейчас в таком виде, что на кандидатуру разлучницы не подхожу.

Хотя я ей и так являюсь.

Ненавижу.

— Когда была жена — не изменял. Я, собственно, не для того женился, чтобы налево ходить.

— А почему тогда развелись?

— А я сказал, что мы в разводе?

— Я... господа, простите. Я не хотела.

Во мраке салона не было видно мое покрывшееся пятнами лицо. По сравнению с тем, что только что пережила я, его трагедия очевидна.

Но я могу отмотать свою жизнь лет на десять назад, огрызнулась я про себя.

— Не страшно, — глухо отозвался мужчина. — Любая боль уходит со временем.

Не любая. Моя вот до сих пор не ушла. И точит, а казалось бы, что год отношений должен был излечить. А еще Алекс прав, сигналы же были. И запрет звонков, и выходные порознь. И много чего еще...

Значит, я сама не хотела открывать глаза, так?

Мое время еще не прошло? Не пришло?

— Все, приехали.

Я уставилась на заставленный микроавтобусами двор, на вывеску с красным крестом. На крыльце, несмотря на дождь, ждали люди, под навесом, но все равно, что заставило их тут толпиться? Я отстегнула ремень, замотала головой на немой вопрос — сама вылезу, вроде бы все в порядке.

Мужчина кивнул, наклонился и протянул мне микрозонт. Я взяла, повертела его, прежде чем взяться за ручку двери.

— Вы фокусник или волшебник?

— Я врач. Хороший врач — и то и другое. Пошли.

Зонт оказался не автоматическим, я долго дергала его, пытаясь открыть, пока мужчина не подошел, не взял его у меня и не открыл сам. Совсем прекрасно, я произвожу впечатление немощной. Или, что хуже, он сочтет, что я кокетливо притворяюсь.

А в пабliках, по которым он так прошелся, кокетливое или манипулятивное притворство называют «выученная беспомощность», хотя я знаю, что на самом деле эта беспомощность о другом.

Я застыла, рассматривая вывеску. Место, очень похожее на больницу, сразу стало на меня давить одним своим существованием.

— Вы уверены, что правильно меня привезли?

Мне ничего не угрожало. Если не предполагать, что все здесь сообщники, включая водителей микроавтобусов и врачей — а кем еще могут быть люди в белых халатах.

— Здесь не только паллиативный центр, — негромко и успокаивающе проговорил мужчина, вместе со мной поглядывая на вывеску. — Да, согласен, надо было предупредить. Но это благотворительная больница, тут отличный травмпункт и превосходное оснащение, так что идем.

Шаги давались с трудом, но не потому, что болел копчик. Невозможно вообразить, что люди на крыльце вышли на четверть часа, чтобы справиться с болью — своей и чужой.

Как легче терять близких — внезапно или вот так, наблюдая, как день за днем их покидает жизнь?

— Павел Юрьевич! — к нам подлетела симпатичная блондинка в зеленой форме, наизготовку взяла планшет. — Это та самая девушка, за которой вы ездили?

— Нет, Ларочка. — Павел помрачнел. — Та девушка отказалась подавать заявление и, скорее всего, сегодня ночью ее история получит развязку. Если всем повезет, не настолько трагичную. Ну, держите хвост трубой, у нас нет полномочий заставлять людей жить иначе. А это...

Он вопросительно посмотрел на меня. Ах да, я не представилась. Но никто и не просил.

— Алиса Терентьева. Алиса Леонидовна Терентьева, девяносто второго года рождения, — покорно оттарабанила я, видя, что Лариса уже вносит мои данные в планшет. Что говорить еще, я, конечно, не знала и смущенно замолчала.

— Нужен рентген крестцовой области и прием травматолога, — внес ясность Павел. — Алиса упала, поскользнулась на листьях.

— Сделаем, Павел Юрьевич, — улыбнулась Лариса и, сунув планшет под мышку, дотронулась до моего локтя. — Пойдем со мной. Придется немного подождать, но есть кофе и вендинговый аппарат.

Я оглянулась на Павла, он ободряюще мне улыбнулся. Тоже мне утешитель, подумала я, улыбка дежурная. С такой говорят — все будет хорошо, не грусти.

Лариса усадила меня на стул возле кабинета. Слева, в очереди передо мной, вздыхая, сидела женщина. Я украдкой рассматривала ее — синяк на скуле, кровоподтеки. Потом я перевела взгляд на приятно горящую неоновую вывеску и вспомнила.

«Крылья» были довольно известным проектом — мне одно время попадалась реклама благотворительного забега с небольшим взносом, который шел на реабилитацию и помощь бездомным. Бегать я, разумеется, не пошла, да и к самой идее относилась со скептицизмом. А оказалось, огромный центр, просто шикарная, прямо скажем, клиника со множеством персонала. Мимо проехал санитар, везущий на коляске мужчину со сломанной ногой и в корсете — и оборудование действительно классное.

Открылась дверь кабинета, вышла совсем молоденькая девушка, на которой не было лица. В прямом смысле... я вздрогнула и отвернулась.

— Я размещу вас в шелтере, — услышала я другой женский голос, — с утра поедем подавать заявление. Заключение доктора будет уже готово. Согласны?

Ответ девушки я не разобрала. Женщина, ждавшая очереди, зашла в кабинет, я осталась одна, если не считать снующий туда-сюда персонал, но им до меня не было никакого дела.

Я со своим копчиком могла бы попроситься в обычный травмпункт, подумала я с запоздалым укором совести. В огромном городе столько людей, которым необходима помощь сию секунду. Что случилось с девушкой, которую увели в шелтер, кто избил женщину передо мной? Какую девушку должен был привезти Павел Юрьевич лично — и не смог?

Господи, если мой неудавшийся роман с Алексом был уроком, то спасибо. Спасибо, что я заплатила так мало.

— А ты не плачь, не плачь, — услышала я быстрый шипящий шепот и обернулась. Передо мной стояла настоящая цыганка-гадалка — темные глаза, цветастая шаль, длинная юбка, звенящие серьги. — Слезы твои высохнут. Ручку позолоти, скажу всю правду!

— У меня денег нет, — проворчала я.

Цыганка сверкнула глазами — никого из персонала клиники рядом не было. Черт, только ее мне не хватало.

— На «денег нет» и правды тебе не будет, а полуправду всю скажу. Тот, по кому ты плачешь, вернется. Вот уже... — она подняла палец вверх, мне показалось, она другой рукой хочет цапнуть меня за лицо, и я шарахнулась. — Вернется на днях. Сердце твое болит, смотри внимательно, ты ждать перестала, а он вернется.

— Нет.

У меня пересохло во рту.

— Кто вернется?

Мне стало холодно — меня взяли и зашвырнули в горную реку. Застыла кровь и ноги мгновенно отнялись.

— Кто вернется, о ком вы говорите? Он не вернется, слышите? Он. Не. Вернется!

Он не вернется.

Никогда.

Глава третья

У меня в ушах была вата, перед глазами стоял туман. Я видела серьги из золота лепреконов — они маятниками гипнотизировали. Тик-так, тик-так...

Все не так. Все не так. Все неправильно.

Он не вернется. Он не вернется никогда.

Я очень надеялась, что не кричала. Это было бы совершенно не к месту и не ко времени. Но я точно знала, что повторяю эти слова — он не вернется. Не вернется.

— Девушка! Девушка! Девушка, а ле, вы меня вообще слышите? Де-вуш-ка!

Я продолжала задыхаться — от холода кровь не текла по венам, я перестала чувствовать руки и ноги, но очнулась, хватая губами воздух, которого мне так не хватало, сглотнула, заозиралась по сторонам.

— Не пускайте ее больше! Достала! — вызверилась молодая уставшая женщина в салатовой униформе на пристыженную медсестру и успокаивающе проговорила, обернувшись ко мне: — Это Роза, не обращайтесь на нее внимания.

Цыганки уже не было видно. Возможно, она сбежала, завидев медперсонал.

Я всхлинула. Шепчущий, шипящий голос звучал в ушах как на повторе.

— Она не в себе, у нее дочь недавно погибла, — продолжала доктор. — Вы Алиса Терентьева? Пойдемте, я вас осмотрю, и потом сходите на рентген.

У меня ничего не нашли, кроме синяка на пострадавшей пятой точке. Во время осмотра доктор, явно чувствуя вину сотрудников клиники передо мной, рассказывала про Розу, я слушала ее краем уха и кивала. Допустим, она действительно не очень здорова, допустим, я ей даже сочувствую. Дело не в этом.

Как она могла обо всем узнать, как?

— Алиса? — окликнула меня девушка на рецепции, когда я, уже почти успокоившись, шла на выход. — Все в порядке? Павел Юрьевич просил вызвать вам такси.

Я неловко улыбнулась, отметив, что мне все еще очень сложно даются эмоции — все, кроме одной. И где-то в глубине души кольнуло сожаление, что заботливый доктор бросил меня на произвол судьбы, но это я стараюсь заполнить пустоту после предательства Алекса, это я лечу рваные раны — столько лет уже лечу, все без толку. Что Алекс, что да кто угодно после него.

Все затмевал страх. Животный. Парализующий. Годы терапии полетели к чертям, там, за стенами клиники, меня ждал кошмар. Ждали призраки в окнах, за дверью квартиры, за дверью комнаты.

Ладонь и бледное лицо за стеклом кухни в моей ипотечной «двушке» на восьмом этаже. Снова ладонь, цепляющаяся за балкон в гостиной. Повернувшаяся ручка двери в ванную и знакомый голос «Алиска!».

— У вас есть успокоительное?

Девушка не удивилась, кивнула, полезла в ящик стола. Конечно, у них есть все и даже больше.

У них есть место, где меня не будут мучить кошмары.

Но я, разумеется, не стану проситься переночевать. Потому что мне нужно жить дальше, не прячась, как пятилетняя кроха, в шкаф или под одеяло от монстров, которых нет.

И на улицу я вышла, готовая ко всему. Ну, померещится всякое, все бывает. У меня стресс, в конце концов, ведь человек, которого я любила, оказался женатым — и чем это не самое страшное в жизни? Меня предали, о меня вытерли ноги, мной пользовались беззастенчиво, я любовница, я разлучница!

На остановке вяло ругались парень и девушка. Она обвиняла его во флирте с коллегой, парень нехотя огрызнулся, и было видно, что ему надоело все давным-давно. Что держит людей, которым все надоело, рядом с друг с другом?

Мне тридцать два, а я до сих пор не знаю. Я как-то не доходила в отношениях до того, чтобы мне осточертело все на свете и я предпочла бы одиночество. А может, мне как раз и не стоит быть одной?

Да-да, но кто меня спрашивает, и сегодня мне предстоит непростая ночь. Я снова выпью снотворное, чтобы заснуть, едва коснувшись подушки, и утром буду разбитая, никакая, но другого выхода нет.

Пискнул телефон, я посмотрела на экран — писала мать, все как обычно. Привет, как прошел день, когда замуж. Зачем я рассказала ей про Алекса? Она ведь даже не знала о терапии, о том, через что мне пришлось пройти. Как и все матери, она хотела свадьбу, банкет и внуков, а от меня не дождалась.

«Все хорошо. Свадьбы не будет, Алекс оказался женат».

Смешно, если подумать. И, наверное, знак, что мне нужно что-то менять в моей жизни. Знать бы что, кроме того что, похоже, опять стоит записаться на терапию. Теперь уже проблема будет такая — я слишком серьезно восприняла слова безумной в прямом смысле женщины, а завтра начну верить гороскопам.

Мне нужно завести кота, подумала я, открывая дверь квартиры. Пусть встречает меня, мурлычет, греется об меня ночью в кровати. И прогоняет призраков. Коты, они ведь такие, они могут все, а значит, мне срочно нужен кот.

— Алиса? Алиса, ты дома? Ну что такое? Как ты вообще могла?

Я отстранила телефон от уха. Лучшее, что могла сделать мать, это начать свои истерики.

— Как я могла, мама, что могла? Я понятия не имела!

— Не знала, что он женат? — мать тревожно запыхтела в трубку. — Ну я же говорила, что нам пора познакомиться с ним, а он не хотел. И что теперь?

— Ну, ничего. Мы расстались.

Так буднично. А ведь целая драма. Что же произошло, что мне даже несколько наплевать? Ах да.

— Расстались. — Мать помолчала. Я стаскивала туфли — крепкие оказались, каблук шатался, но ничего, можно починить. А юбка? Зажав телефон плечом, я расстегивала молнию трясущимися руками. Терпимо, не пострадала. Буду радоваться мелочам? — Алиса, зачем ты тратила время на него? Тебе ведь уже не двадцать.

И в самом деле, как я могла забыть?

— Но и не пятьдесят, — проворчала я. — Мама, слушай, я устала, был сложный рабочий день, потом... потом поговорим, ладно? Я есть хочу.

И кота. Кот должен быть у меня уже завтра.

— После шести не едят! — рявкнула мать. — Наешь задницу, вообще никому не нужна будешь. Знаешь что? Тебе нужно сходить к Лизавете. На тебе венец безбрачия, пусть снимет.

— Я не буду платить шарлатанкам. Я деньги не печатаю.

— Только и умеешь, что хамить!

Плюс был один — мать обиделась, а значит, ближайшие пару дней она меня не побеспокоит. К пятнице она «оттает», начнет намекать, как ей тяжело одной на даче, а я как всегда буду делать вид, что в упор не понимаю ее намеков.

У меня очень много своих проблем. И на работе: надо подумать над предложением взять участок Ирочки, которая снова ушла в декрет. В прошлый раз я валилась с ног, но за два года выплатила ипотеку вперед, снизила ежемесячные платежи и даже вырвалась на неделю в Мурманск.

Странный выбор для отпуска, зато далеко от места, где моя жизнь пошла по всем буеракам. И полярный день — это красиво, кто бы что ни утверждал.

На ужин была картофельная запеканка — кулинария меня успокаивала, всегда обожала готовить, и почему-то я вдруг подумала, что из-за Алекса запеканка или курица стали вершинами моего мастерства за последний год. Вот так: из-за мужика у меня не оставалось времени на любимое хобби.

Алекс часто подвозил меня, но ни разу не напрашивался ко мне в гости. Говорил, что у нас должно оставаться личное пространство, а я полагала, что это правильная позиция. Какая же я была дура. Наивная дура. Мать права — потратила время зря.

Гнев на Алекса, злость на мать горели под противнем, поджаривали все прочие чувства, и мне не хотелось с криком шарахаться от окна, где что-то мелькнуло. Быть может, минует, быть может, я забуду об этой Розе и о ее пророческих, чтоб ее, словах?

Телефон опять зазвонил, я потрянула головой, продолжила возиться с запеканкой. Обидно будет, если она пропадет, искусство повара не терпит пренебрежения. А ведь когда-то я все-рез хотела стать поваром, но опять же — мать настояла на высшем образовании. Ума у меня хватило не повестись на «династию», я поступила на маркетолога и имела сейчас хороший... отличный доход. А могла бы ночами сидеть над тетрадками и с восьми до пятнадцати лицезреть одинаковые лица учеников.

И ненавидеть людей, как мать. Впрочем, не все же учителя такие.

Телефон продолжал звонить раз за разом, но я взяла трубку, только когда уже уселась поесть. Номер был незнакомый, и я подумала — может, звонит жена Алекса? Было бы славно.

Сама не знаю почему.

— Алиса? Как вы? Это Павел. Извините, но номер вы оставили в клинике. Все хорошо?

— Все хорошо, не беспокойтесь, я отделалась легким испугом, даже каблук не сломала. Дома, ужинаю и не собираюсь на вас заявлять. К тому же вы на меня и не наехали. И... спасибо. Правда, спасибо. У вас замечательная клиника, прекрасные сотрудники и... дело, которым вы занимаетесь, тоже очень нужное.

— Я рад.

Вот так, я рассыпалась в комплиментах, а мне в ответ сухое «я рад». Ну и ладно. Ладно, да, ладно, Алиса, твоя жизнь это только твоя ответственность, повзрослей уже наконец.

— Спокойной ночи, — пожелал Павел и отключился. Я доела запеканку, выпила чай, помыла посуду, сходила в ванную, не думая. Не думая ни о чем.

Ни о ладони на стекле, ни о ручке двери. Ни о том, что вот сейчас дернется занавеска...

Проклятье!

Трясаясь, я вытерлась, повесила полотенце, выдавила из блистера таблетку снотворного, вспомнив, отправила юбку сушиться на батарею. Завтра отнесу ее в чистку, она хороша, я буду носить ее на работу — пошло все к черту! Я сделаю новую стрижку, что-то яркое, безумное, стильно-модное, согласно самым последним трендам. И буду ходить с гордо поднятой головой.

Снотворное начало действовать, я лежала, прислушиваясь к звукам ночи. На часах половина первого, мне завтра — сегодня — вставать в семь утра.

Звонок стационарного телефона был хриплым и непривычным, я даже не сразу поняла, что это за звук. Ах да, и плюс и минус «вторички» — городской телефон, неужели им кто-то еще пользуется? Он меня разбудил, я открыла глаза — три минуты до будильника.

Мне казалось, что как только я подойду к тумбочке, трезвон прекратится. Но нет, я сняла трубку, и там, в бесконечных запутанных проводах, полетело чье-то дыхание, какие-то звуки, непривычные для большого города.

— Алло? — прохрипела я. — Алло, говорите!

— Привет, — прошелестело в ответ. — Это я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.